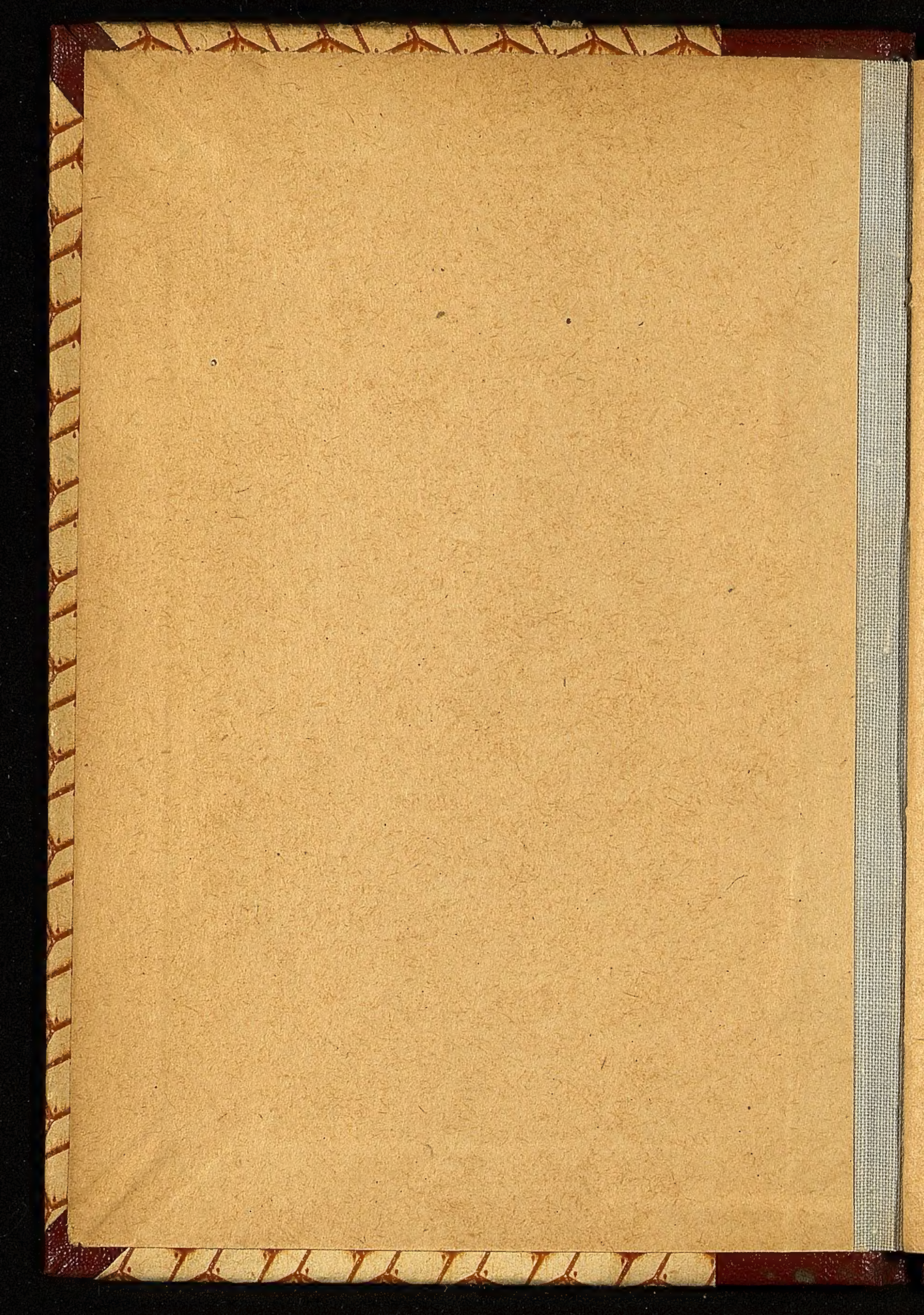
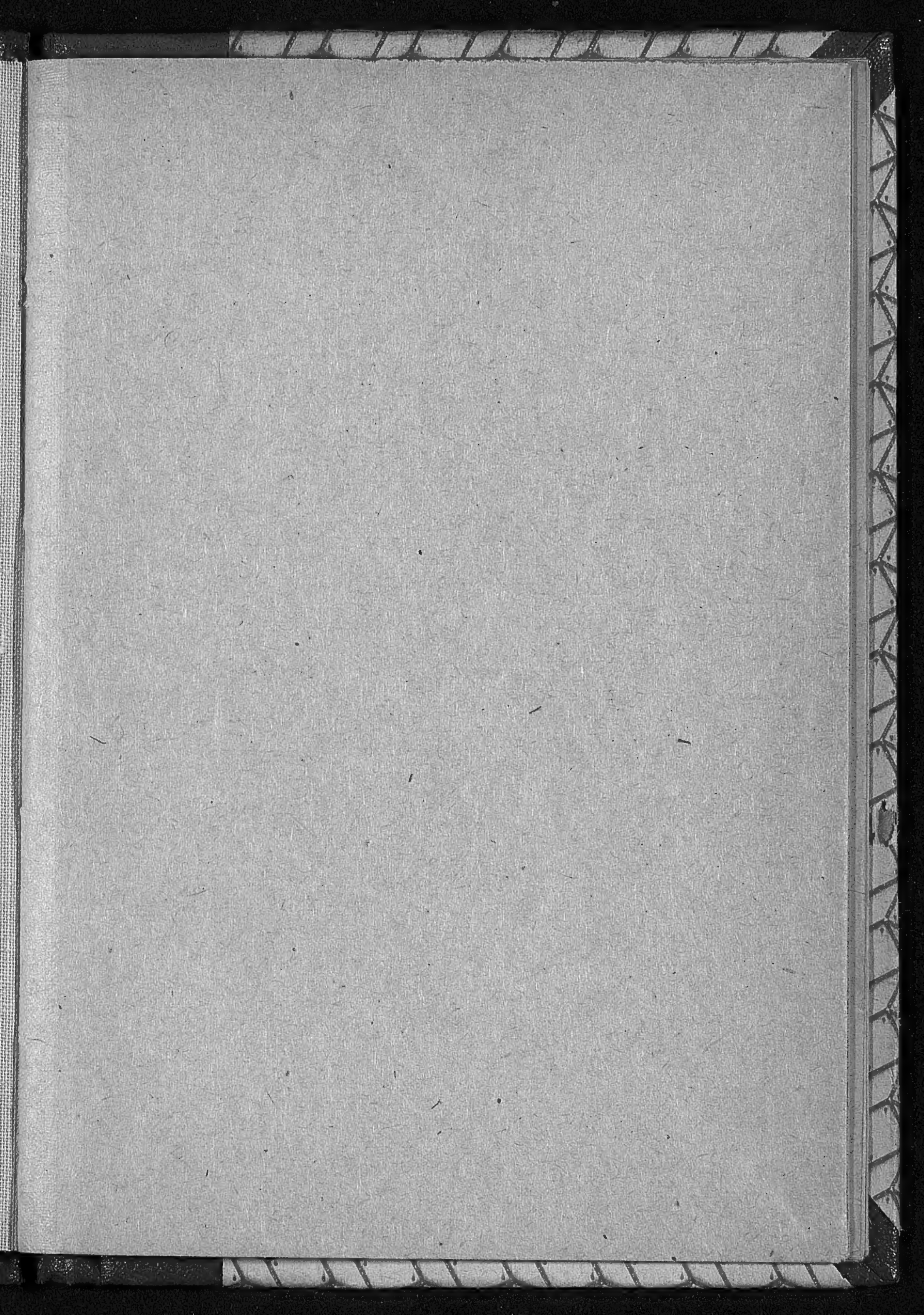

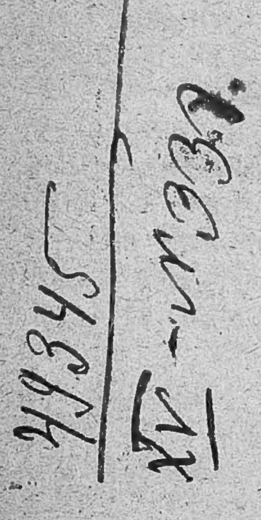

В. Ермиловъ.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ СОЛДАТЪ

ВЪ ВОЙНѢ СЪ НѢМЦАМИ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1914.

Подвиги русскихъ солдатъ въ войнѣ съ нѣмцами.

Русская армія — замѣчательная, русскій солдатъ—выше похвалъ?!..

Кто это сказалъ? Другъ? Сторонникъ? Союзникъ нашъ? Представьте себѣ: нѣтъ! Представьте себѣ: непріятель нашъ, бывшій австрійскій главнокомандующій, генералъ Ауфенбергъ, — это онъ высказалъ такое лестное для насъ мнѣніе о нашей арміи. Сказалъ онъ это, конечно, не намъ. Сказалъ онъ это, конечно, въ своей компаніи, въ бесѣдѣ съ тамошними писателями.

Да онъ ли одинъ? Многіе австрійцы и германцы вынуждены признать достоинства и доблести нашей блестящей арміи.

Одна изъ самыхъ лучшихъ и распространеннѣйшихъ нѣмецкихъ газетъ не нахвалится:

— Видѣли мы русскихъ воиновъ въ Галиціи,— говоритъ газета.—Что это за молодцы! Всѣ какъ на подборъ, рослые, сильные, съ загорѣлыми, здоровыми лицами! Они прямо словно родились для войны!

Другая тамошняя газета выражаетъ удивленіе:

— Какой у нихъ порядокъ во всемъ! Какъ они умѣютъ распоряжаться людьми, знать, кому какое дѣло болѣе подходитъ и куда кого лучше всего опредѣлить!

А что говорятъ про насъ плѣнники наши? Какъ они хвалятъ насъ! Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ въ вагонѣ австрійскій полковникъ:

— Наши австрійскіе генералы, оказывается, обманывали насъ, когда успокаивали, увѣряя, будто русскіе пушки стары, а солдаты не умѣютъ стрѣлять. А снаряды у русскихъ будто бы то и дѣло рвутся. Да! Какъ бы да не такъ! Я самъ видѣлъ, какъ ваша батарея безъ пристрѣлки сразу осыпала шрапнелью наши окопы. Солдаты выскакивали изъ нихъ, какъ изъ ада, но напрасно было ихъ усердіе. Они завалили своими трупами рвы. Въ полчаса изъ моего полка осталось только семь человѣкъ и я—раненый. Намъ лгали, насъ успокаивали, а вы втихомолку за эти десять лѣтъ создали себѣ первую въ мірѣ артиллерію.

Такъ говорятъ наши противники, ненавидящіе насъ. Если же мы послушаемъ разговоры про насъ нашихъ союзниковъ, то увидимъ, что они передъ достоинствомъ и мужествомъ, съ какими ведется наша война, прямо преклоняются.

Чѣмъ же мы взяли? Что въ насъ такого, особеннаго, чтобы заставить насъ забыть всякій страхъ за свою жизнь и весело, бодро итти навстрѣчу всякой опасности и самой смерти?

Я думаю, это—вотъ что. Когда нашъ воинъ идетъ на войну съ австрійцемъ и нѣмцемъ, онъ знаетъ, что онъ вступается за Божье дѣло, за чистое дѣло, за униженныхъ, обиженныхъ, за правду.

И это одушевляетъ его, взбадриваетъ, вселяя въ немъ вѣру въ то, что за правое дѣло всегда вступится Богъ, что тотъ, кто первый поднялъ мечъ, отъ меча и погибнетъ.

А подняли мечъ первые не мы, а противники наши,

Что же намъ колебаться, когда за насъ— Десница Господня! Она и укажетъ намъ, что дѣлать и какъ быть, и никогда не допуститъ насъ до гибели.

Вотъ откуда у насъ и народились наши чудо-богатыри. Отъ сознанія, что за насъ Самъ Господь, что мы ведемъ правое дѣло. А при такомъ сознаніи, при такой вѣрѣ человѣкъ способенъ горами двигать. Способенъ отваживаться даже на такія дѣла, которыя, онъ знаетъ, приведутъ къ неминуемой его гибели.

Смотрите на нашего героя: около него свищутъ пули, взрываются бомбы, а онъ—ничего, какъ будто это въ порядкѣ вещей, какъ будто это къ нему не относится, не угрожаетъ ему ничѣмъ.

Я ужъ не буду говорить о знаменитомъ Крючковѣ. Кто его теперь не знаетъ? Но онъ такой— не одинъ. О, у насъ героевъ много! Такъ много, что всѣхъ и немыслимо перечесть. Вспомнимъ хоть о нѣкоторыхъ немногихъ изъ нихъ. Это— нашъ долгъ,—долгъ благодарности нашимъ заступникамъ, нашимъ спасителямъ.

Когда слышишь разсказы о томъ, что дѣлали наши солдаты, напримѣръ, подъ Томашевымъ, такъ прямо вѣрить трудно. Словно это—сказка какая-нибудь. Разскажу про особенно отличившагося тутъ неустрашимаго рядового Петряева.

Рьяно, безъ устали, 27-го августа рота, гдѣ служитъ рядовой Петряевъ, атакуетъ высоты около Томашева. Петряевъ съ нѣсколькими товарищами заняли непріятельскій окопъ. А убѣгающіе австрійцы бросили какъ разъ туда пулеметъ.

Только что наши стрѣлки собрались укрѣпиться въ занятомъ окопѣ, какъ объявляется приказъ:

— Покинуть окопъ!

Это—потому, что австрійцы задумали сдѣлать глубокій обходъ нашего лѣваго фланга. Да и другая причина тому была:

— Ну, не изъ веселыхъ удовольствій,—говорили солдаты,—сидѣть въ непріятельскомъ окопѣ, когда проклятые австрійцы всего тебя, можно сказать, обсыпали осколками рвущихся снарядовъ!

А все-таки отступать имъ не хотѣлось. Особенно досадовалъ Петряевъ.

— Ну, какъ же такъ, въ самомъ дѣлѣ,—разсуждалъ онъ, покачивая головою,—пулеметъ австрійскій, понимаешь ты, и вдругъ его, ни за что, ни про что, такъ, съ бухту, барахту, бросить. Право, обидно. То-есть, вотъ какъ, понимаешь ты, обидно! Ей Богу, я не пойду! Не пойду, братецъ ты мой,—и весь сказъ.

И не пошелъ. А кругомъ его—пули. Всего осыпали. Но ему это съ полгоря. Онъ о другомъ думаетъ. Онъ, смотрите, впрягается въ пулеметъ, и тащитъ его.

— Что такое? Пуля въ руку угодила? Ну, не бѣда! Лишь бы дотащить какъ-нибудь, а тамъ ужъ и полѣчимся, что ли, какъ Богъ пошлетъ.

И онъ все продолжаетъ тащить, не взирая на сильную боль. И преблагополучно довезъ, и сдалъ по начальству.

А ужъ послѣ того и лѣчить рану дался:

— Ну, что! Пустяки эта рана, не въ ней дѣло,—скромно приговаривалъ при этомъ.

Все—пустяки для героя. Одно только—не пустяки:

— Зачѣмъ зря лежать въ лазаретѣ? Скорѣй, обратно, туда, на позиціи!..

Такъ и рвутся, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ долѣчиться.

— Тамъ долѣчимся, въ бою какъ-нибудь!

Особенно нетерпѣливы славные нижегородцы.

Молодецкое они дѣло сдѣлали. Цѣлый эскадронъ зарубили. Да чей? Нѣмецкихъ гвардейскихъ кирасиръ! А шефомъ-то у нихъ самъ Вильгельмъ второй!..

Посланъ былъ этотъ эскадронъ на развѣдки. И узналъ, и донесъ:

— Нѣмецкая кавалерія приближается!..

Тутъ молодцы-нижегородцы развернулись и атаковали нѣмцевъ, да такъ удачно, что непріятель совсѣмъ растерялся. Солдаты даже острили потомъ:

— Взводъ-то нѣмецкій, ишь, — спѣшился—и опѣшилъ совсѣмъ!..

И правда: непріятельскій спѣшенный взводъ не успѣлъ даже произвести залпа. Только нѣсколько выстрѣловъ раздалось съ ихъ стороны. Да какихъ? Жиденькихъ, какъ говорили солдаты!..

Въ одну минуту наши шашечными ударами прикончили съ ихъ цѣлымъ взводомъ.

Но этого нашимъ мало. Вторично атакуютъ остальную часть эскадрона и изъ всего остального эскадрона осталось въ живыхъ только десять. И тѣ оказались тяжело ранеными. Остальные всѣ убиты.

А много ли нашихъ потерь? Убитъ только одинъ! Ранено всего четверо. Всѣ пораненія произведены выстрѣлами. Шашечныхъ ранъ нѣтъ совершенно.

И что жъ бы вы думали? Не успѣли раненыхъ доставить въ Варшаву, а ужъ они просятся:

— Скорѣй обратно на позиціи!..

А что было, послушайте, при вторженіи нашей южной арміи въ Галицію.

Завязался горячій бой. У насъ—бѣда: одинъ изъ батальоновъ при наступленіи своемъ прямо

попадаетъ подъ огонь пулеметовъ. Раздается голосъ командира:

— Въ атаку на пулеметы!..

Зажглись солдатскія сердца. Командиръ велитъ,—значитъ толковать тутъ нечего. Весь батальонъ стремглавъ бросается въ атаку.

Конецъ-счастье: пулеметы взяты,—наши они теперь! А австрійцевъ и слѣдъ простылъ: бѣгутъ, сломя голову!..

Зорко все время слѣдитъ за атакой самъ корпусный командиръ. Онъ подъѣзжаетъ къ батальону, вызываетъ девятую роту, взявшую пулеметы, и, со слезами на глазахъ, обращается къ героямъ:

— Спасибо, спасибо вамъ, великое, братцы! Подвигъ вашъ не забудется никогда!..

И онъ поздравилъ ихъ: всѣ они—Георгіевскіе кавалеры...

Вспоминаются невольно и драгуны. До сихъ поръ то и дѣло, что разсказываютъ объ ихъ подвигѣ около Ченстохова.

Два полуэскадрона вступили въ открытый бой съ ротой германской пѣхоты и полубатальономъ кирасиръ.

Нѣмцевъ, такимъ образомъ, было въ четыре раза больше, нежели русскихъ.

И все-таки наши драгуны почти уничтожили германцевъ. Ихъ солдаты, какіе остались въ живыхъ,—а мало, страшно мало было такихъ,—увезли съ собой раненыхъ на повозкахъ. Много было этихъ повозокъ.

А наши потери: всего одинъ раненый!

Отчего это? Отчего такіе частые успѣхи нашихъ войскъ? Кромѣ вѣры въ правоту своего дѣла, о которой мы уже говорили, нашихъ солдатъ оду-

шевляетъ еще вѣра въ своихъ начальниковъ, въ офицеровъ, въ командировъ.

Такой вѣры давно не было. А, можетъ-быть, и никогда не было.

Теперешніе офицеры наши изумительно измѣнились сравнительно съ тѣмъ, какими они были въ японскую войну. Тогда солдатъ словно какая-то пропасть отдѣляла отъ ихъ начальства. А сейчасъ, по общему отзыву всѣхъ очевидцевъ, офицеры стали держать себя проще, дружелюбнѣе, мягче въ отношеніи своихъ подчиненныхъ, и отъ этого между тѣми и другими появилась тѣсная связь и взаимное уваженіе и полное довѣріе другъ къ другу.

Солдатъ любитъ своего командира и подчиняется ему не за страхъ, а за совѣсть. И не только подчиняется, а готовъ за нимъ пойти, куда угодно, куда тотъ ни пошли его. А случись съ любимымъ начальникомъ бѣда, вѣрный слуга его себя не пожалѣетъ, а выручитъ уважаемаго покровителя.

Рядовой Давидъ Выжимокъ, изъ крестьянъ Полтавской губерніи, служитъ вѣстовымъ у гусарскаго офицера. Въ бою съ германскими войсками офицеръ получаетъ тяжелую рану въ голову. При отходѣ гусары вынуждены были оставить его на полѣ сраженія.

Схватился Выжимокъ:

— Гдѣ мой господинъ? Живъ не буду, а ужъ разыщу его, во что бы то ни стало!

Подъ сильнымъ огнемъ ищетъ онъ офицера и находитъ-таки, въ концѣ-концовъ. Тотъ лежитъ безъ чувствъ. Еле дышитъ. Видимо, безнадеженъ.

— Нужды нѣтъ, понесу его, доставлю къ своимъ! — рѣшаетъ безстрашный и преданный слуга-другъ и несетъ офицера, не взирая на пули, проносившіяся кругомъ его, несетъ долго и

упорно свою дорогую ношу. А нелегка она. И не коротокъ путь: шесть верстъ!..

Одинъ тащитъ онъ эту тяжесть, все время озираясь кругомъ, стараясь ускользнуть отъ непріятельскихъ дозоровъ и скрываясь то подъ мостами, то въ канавахъ.

Верховный Главнокомандующій, при осмотрѣ санитарнаго поѣзда, пожаловалъ герою—рядовому Давиду Выжимку, за его благородный подвигъ беззавѣтной преданности долгу службы, Георгіевскій крестъ 4-й степени.

Посѣщая раненыхъ въ санитарныхъ поѣздахъ, останавливающихся близъ ставки, Верховный Главнокомандующій ежедневно знакомится съ такими случаями, которые показываютъ, какъ русскій солдатъ умѣетъ соблюдать вѣрность присягѣ и какъ онъ привязанъ къ тѣмъ офицерамъ, которые любятъ его.

Въ бояхъ подъ Люблиномъ солдаты подъ пулями непріятеля нѣсколько часовъ подъ рядъ вели подъ руки раненаго офицера. Офицеръ былъ герой. Не хотѣлъ, чтобо изъ-за него люди мучились и подвергали жизнь свою страшной опасности. Себя онъ спокойно обрекъ смерти.

— Но чего вы-то будете изводить себя изъ-за одного человѣка?—уговаривалъ онъ ихъ: бросьте! Вамъ жить надо, служить надо. Безъ меня вы на цѣлыя сутки раньше въ безопасное мѣсто пришли бы!

Солдаты на этотъ разъ не слушались его. Они помнили только одно: долгъ свой. Долгъ—не оставлять раненаго офицера безъ помощи, а быть при немъ, носить его, таскать, если потребуется, жертвуя силами своими, рискуя жизнью.

И исполнили свой долгъ до конца, — съ очень большою опасностью для себя—и спасли своего начальника.

И сами, слава Богу, спаслись.

И смотрятъ на свой подвигъ, какъ на самое простое дѣло. И еще удивляются, когда ихъ хвалятъ за это. Спрашиваютъ даже, улыбаючись:

— А какъ же иначе можно было бы поступить?

Былъ разгаръ боя. Легко раненые, спотыкаясь и помогая другъ другу, брели по трясинѣ подъ проливнымъ дождемъ, опираясь на винтовки, къ перевязочному пункту. Онъ былъ въ нѣсколькихъ верстахъ сзади позицій. Тамъ тоже кипѣла работа: санитары, не боясь смерти отъ шальныхъ вражескихъ пуль, смѣло и усердно дѣлаютъ свое святое дѣло при помощи несчастнымъ раненымъ. Офицерскій денщикъ, запасной, сидя на корточкахъ, подъ повозкой, укрывшись отъ дождя, ухитрился развести огонь и варилъ что-то въ котелкѣ, слушая разсказъ одного легко раненаго, у котораго на головѣ повязка была красная отъ крови. Денщикъ вспомнилъ о томъ, что дѣлалось только что тамъ, на линіи смерти и огня.

А вечеромъ въ этотъ памятный день, который, слава Богу, окончился для насъ такъ счастливо,— мы погнали нѣмцевъ,—стоялъ въ окопѣ офицеръ, весь до ниточки иззябшій и голодный.

— Мнѣ и голодно, и холодно подъ проливнымъ дождемъ,—сказалъ онъ окружающимъ.

Стало тѣмъ временемъ темнѣть... По грязной дорогѣ, изрытой колеями орудій и обозовъ, скачетъ кто-то къ мѣсту, гдѣ отстрѣливается часть, которой командуетъ офицеръ. Всадникъ поминутно останавливается и о чемъ-то спрашиваетъ встрѣчныхъ. Всѣ улыбаются, глядя на него: сидитъ онъ неуклюже, какъ какой-нибудь сѣрякъ-

мужичокъ, болтая ногами и придерживая одной рукой миску. А передъ собой положилъ онъ шинель.

Тѣмъ временемъ германскіе снаряды живописно освѣщаютъ поле битвы, производя въ воздухѣ багрово-сизые разрывы. Пули безъ устали, назойливо свистятъ. Свободно и весело гуляетъ здѣсь смерть.

Смѣшной всадникъ, наконецъ, доскакалъ, сползъ съ мокрой лошаденки, и спокойно, какъ будто бы это дѣлается не на войнѣ, среди огня, а гдѣ-нибудь на мирной стоянкѣ, онъ расталкиваетъ солдатъ, лежащихъ въ цѣпи, и подходитъ къ офицеру:

— Такъ что, ваше благородіе, мнѣ раненые говорили, что вы голодны, такъ я поймалъ курицу и сварилъ супъ. А вотъ шинелька, извольте надѣть!..

Шинели утромъ были оставлены на стоянкѣ.

За супъ и шинельку, привезенные на позиціи подъ адскимъ огнемъ, просто на клячѣ, по-мужицки, въ то время, какъ около него и надъ нимъ зіяли огни рвущихся снарядовъ, денщикъ тутъ же былъ награжденъ генераломъ, начальникомъ части.

— Спасибо,—сказалъ ему генералъ,—ты вполнѣ заслужилъ медали за храбрость.

Не только преданность своимъ офицерамъ встрѣчается въ этой войнѣ со стороны рядовыхъ на каждомъ шагу, но и любовь къ своимъ ближайшимъ начальникамъ,—къ унтеръ-офицерамъ, къ фельдфебелямъ.

Разсказываетъ военный врачъ, какъ онъ разговорился съ солдатиками, и что они высказали ему.

— Я,—говоритъ врачъ,—подхожу къ двумъ солдатикамъ съ краю, сажусь рядомъ. Съ нихъ

обоихъ градомъ льетъ потъ, но выраженіе лицъ у нихъ—свѣтлое, успокоенное.

— Что, ребята, небось страшно было подъ шрапнелью?—спрашиваю я ихъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, ничего не страшно. Съ непривычки оно, конечно, не хорошо: жужжитъ цѣлый день надъ ухомъ, шипитъ, трескается. А потомъ и не замѣчаешь даже. У меня вотъ руку до локтя оторвало. А я, ей-Богу, даже и не зналъ. Землякъ мнѣ послѣ сказалъ. Въ тотъ день жарко дрались до самаго вечера. Очень ужъ я нашего фельдфебеля жалѣлъ: при мнѣ его напополамъ разорвало. Ахъ, хорошій былъ онъ человѣкъ! Вотъ какъ жаль, что трудно и сказать. Любили его мы всѣ. Да, всѣ любили.

Онъ прослезился, перекрестился, проговорилъ:

— Вѣчная ему, другу, память!..

Въ одной газетѣ,—въ «Варшавскомъ Дневникѣ»,—приведенъ разсказъ ротнаго командира:

«Дѣло было на германскомъ фронтѣ. Шли мы походомъ и остановились на отдыхъ на защищенныя позиціи. Отлучаться съ мѣста было немыслимо: и непріятель-то, несомнѣнно, былъ гдѣ-то тутъ близко, и мѣстность съ ея окрестностями совсѣмъ незнакома. А между тѣмъ не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ, вижу, издали преспокойно направляется къ занятой нами рощѣ нашъ же солдатикъ. И свертокъ у него подмышкой.

— Ты какъ смѣлъ отлучиться?—грозно встрѣчаю его я.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе, хлѣба ходилъ купить!

— И далеко тебя носило?

— Версты четыре прошелъ.

— Послушай, да вѣдь ты съ ума сошелъ. Вѣдь тебя сто разъ могли убить нѣмцы! Взялъ ли ты, по крайней мѣрѣ, винтовку?

— Никакъ нѣтъ, винтовки не бралъ. А нѣмцу-то за чтобы меня убивать? Вѣдь я ему зла не дѣлалъ, да и воровать не собирался. За свои деньги покупалъ.

— И неужели купилъ?

— Такъ точно, вашескородіе, купилъ!

Какъ видите, просто и довѣрчиво относится простой русскій человѣкъ ко всѣмъ людямъ. Онъ судитъ нерѣдко и о противникахъ своихъ,—нѣмцахъ, австрійцахъ,—какъ о людяхъ такихъ же, какъ и онъ, простыхъ и честныхъ.

— Во время войны, въ бою,—говоритъ онъ,—я съ врагомъ немилостивъ, рублю его, только попадись подъ мой штыкъ. Ну, а когда онъ попалъ къ намъ въ плѣнъ и раненъ, то чего жъ я тутъ измываться буду надъ нимъ? Тутъ онъ такой же человѣкъ, какъ и я. Тутъ онъ—не врагъ, не опасенъ, а просто раненый, больной. Человѣкъ, какъ человѣкъ. Какъ всѣ мы.

Себя онъ не жалѣетъ, хоть бы самъ былъ такъ изрѣзанъ, что живого мѣста не найти ему на себѣ. А другого,—даже врага,—скорѣй пожалѣетъ. И станетъ ухаживать за нимъ, какъ ухаживаютъ добрые люди за больными и слабыми калѣками.

Вотъ, смотрите, высокій, худой пѣхотинецъ. У него голова словно не голова, а бѣлый шаръ съ парой точекъ черныхъ внимательныхъ глазъ. Онъ совсѣмъ боленъ. И слабъ.

Привезли его въ Москву. На вокзалѣ барышня изъ питательнаго отряда подаетъ ему длинную булку и колбасу. Онъ медленно слабыми руками переломилъ булку пополамъ и направился вглубь вагона;

— Ваня, иди сюды! На, ѣшь хлѣбъ!

Вы думаете, онъ даетъ хлѣбъ своему другу-товарищу? Нѣтъ, австрійцу, котораго онъ прозвалъ Ваней за его благодушіе.

— Ну, что жъ тамъ толковать?—говоритъ добрый нашъ пѣхотинецъ съ головой, такъ жестоко израненной самимъ же Ваней,—на войнѣ Ваня былъ мнѣ врагъ, а здѣсь—другъ.

Нужды нѣтъ, что Ваня не владѣетъ русской рѣчью и, улыбаясь, бормочетъ все время что-то на нѣмецкомъ языкѣ. Русскій другъ объясняется съ нимъ частію знаками, а частію на русскомъ языкѣ, котораго тотъ не понимаетъ. Все равно, дружба между ними крѣпка. Они отлично понимаютъ другъ друга. Да и другіе русскіе, изъ раненыхъ, тоже ласково обращаются съ Ваней.

Съ веселыми, бѣгающими глазками, съ немного смѣшными гримасами жадно уплетаетъ онъ булку. И только и слышишь, какъ кто-нибудь ободряюще говоритъ ему:

— Молодецъ, Ваня, ѣшь!.. ѣшь!..

Поѣлъ Ваня свою порцію хлѣбушка и принимается насвистывать веселый вѣнскій вальсъ. Пѣхотинецъ отламываетъ еще кусокъ и молча всовываетъ его въ руку Ванѣ. Тотъ на секунду задумался, посмотрѣлъ вокругъ и быстро отправилъ кусокъ въ ротъ.

Ваня,—состоятельный вѣнскій купецъ; за то пріобрѣлъ между русскими всеобщую любовь, что всѣхъ заражалъ своимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ.

— Хоть онъ и безъ языка,—стало-быть, не умѣетъ говорить по-нашему, по-русски,—а такъ весело, залихватски, поетъ свои пѣсенки, да такъ здорово свистать насобачился, что всѣхъ утѣшаетъ насъ,—говорятъ солдаты,

Всѣ изумлялись великому въ немъ терпѣнію, исключительной въ немъ выносливости духа. Его душа смѣялась въ заливчатомъ смѣхѣ въ то время, какъ тѣло изнывало отъ безумной, страшной боли, отъ которой другой бы кричалъ во все горло. До того ужасна была его боль.

Ему подъ Львовымъ разворотило шрапнелью весь пахъ. Поврежденія оказались значительныя, угрожавшія жизни его.

Въ легкой, случайной перевязкѣ четырнадцать дней ѣхалъ онъ до Москвы, при чемъ ни разу не издастъ стона, а все поетъ себѣ веселую пѣсенку да посмѣивается.

И была особенная, роковая и трогательная причина, чтобы такъ братски сблизиться съ нимъ этому высокому, худому пѣхотинцу. Кровь, пролитая ими обоими другъ отъ друга, и одинаковая мука спаяли ихъ другъ съ другомъ. Имъ пришлось драться обоимъ лицомъ къ лицу въ рукопашной схваткѣ, штыками нанося одинъ другому безпощадныя раны. Въ этой отчаянной свалкѣ оба они вмѣсты покатились тогда въ ровъ. Здѣсь ихъ обоихъ подобрали какъ тяжко раненыхъ, и положили обоихъ рядышкомъ въ полевомъ лазаретѣ. И съ тѣхъ поръ они не разстаются.

Фамилія этого австрійскаго купца—Кауфманъ, но всѣ,—рѣшительно всѣ солдатики звали его Ваней. И ласково за нимъ ухаживали, чувствуя, какую муку несетъ этотъ чужеземный солдатъ, съ развороченнымъ пахомъ, четырнадцать дней купавшійся въ собственной крови, которая густо просачивалась сквозь набухшую перевязку.

Когда, на промежуточныхъ станціяхъ, Ваню хотѣли брать, чтобы оставить его тамъ для лѣченія, весь вагонъ просилъ:

— Оставьте намъ Ваню!.. Мы его до Москвы довеземъ!..

И Ваню оставляли.

Наконецъ, вотъ и Москва. На носилкахъ выносятъ Ваню изъ вагона. Раненые сгрудились и провожаютъ его ласковыми словами:

— Прощай, Ваня, прощай!..

Ваня улыбается. А за носилками молча слѣдуетъ высокій худой пѣхотинецъ, съ бѣлымъ шаромъ вмѣсто головы... Только еще внимательнѣе бѣгаютъ у него черныя точки глазъ, слѣдя, какъ плавно покачиваются носилки, и какъ бороздится болью круглое лицо Вани.

Никакой ненависти къ противнику не бываетъ у русскаго человѣка. Онъ сражается, но не злобствуетъ. И по себѣ судитъ о непріятелѣ. Думаетъ:

— Онъ—такой же человѣкъ, какъ и я. Чего жъ намъ ненавидѣть другъ друга?

На станцію Бердичевъ прибылъ поѣздъ съ ранеными. Въ одномъ вагонѣ среди раненыхъ нашихъ солдатъ находится нѣсколько австрійцевъ. Какая-то женщина не очень учтиво выразилась насчетъ австрійцевъ. Юный русскій солдатикъ не стерпѣлъ и заявилъ:

— Чего ты ихъ ругаешь? Прежде они были нашими врагами, теперь они—наши товарищи. Небось, тоже вѣдь за отечество сражались.

При этихъ словахъ солдатикъ обнялъ одного австрійца и поцѣловалъ его. При видѣ этой чисто христіанской незлобивости присутствующіе были необыкновенно растроганы.

И это—не исключительный случай. Въ поѣздахъ постоянно можно наблюдать, какъ русскіе солдаты дѣлятся съ нѣмцами и австрійцами послѣднимъ, что у нихъ есть. Подъ Москвой у одного изъ раненыхъ противниковъ развязалась повязка на

ранѣ. Въ одну минуту одинъ изъ раненыхъ въ ногу русскихъ солдатъ превратился въ фельдшера. Нѣмцу заново перевязали руку и, благодаря такой во время оказанной помощи, онъ могъ спокойно доѣхать до Москвы.

Намъ, русскимъ, вообще въ этой войнѣ везетъ по части дружескаго расположенія къ намъ со стороны тѣхъ, противъ кого мы воюемъ. Не всѣхъ, разумѣется, а тѣхъ, кто къ намъ близокъ по крови. Это—славяне, конечно.

Былъ такой случай. Стоитъ неподалеку отъ рѣки русскій батальонъ. На другомъ берегу то и дѣло появляются австрійскіе разъѣзды. Задумали смѣльчаки,—человѣкъ сто,—тряхнуть стариной и продѣлать, по примѣру былыхъ запорожскихъ казаковъ, молодецкій набѣгъ. Сказано—сдѣлано. Раздобыли они гдѣ-то утлые каюки, разсѣлись на нихъ — и, недолго думая, двинулись снимать австрійцевъ. Ну, совсѣмъ, какъ запорожскіе предки!

Прибыли себѣ преблагополучно на другой берегъ, на скорую руку устроили окопы и засѣли тамъ въ ожиданіи врага. Непріятель недолго заставилъ себя ждать. Къ вечеру на другой день явилось около 200 австрійцевъ.

Черезъ два часа дѣло было кончено. «Австріяки» частію были перебиты, частію взяты въ плѣнъ. И когда ихъ везли на шаткихъ каюкахъ не связанныхъ, даже не обезоруженныхъ,—австріяки покорно сидѣли на своихъ мѣстахъ и чистосердечно признавались, что они вовсе и не австріяки, а русины, словаки, босняки, чехи, и что они сами терпѣть не могутъ свое австрійское начальство, а любятъ отъ души русскихъ и желаютъ имъ успѣха.

Но зато австрійцы—не славяне, такъ же съ нами грубы и наглы, какъ и нѣмцы. Лежали наши раненые въ Замостьѣ. Вдругъ счастье измѣнило намъ, и городъ взяли австрійцы. Въ госпиталѣ появляются на мѣсто русскихъ врачей и санитаровъ австрійскіе. Плохо пришлось нашимъ больнымъ. Ихъ и ругаютъ, и даже бьютъ.

Пришелъ въ госпиталь австрійскій офицеръ. Онъ узналъ, что тутъ ожидаетъ очереди казакъ. А казаковъ австрійцы ненавидятъ и боятся на войнѣ, какъ чорта. Вотъ, — думаетъ офицеръ,— случай отомстить безоружному врагу. Подходитъ къ казаку и хлопъ его по лицу!..

Это—въ отместку и для острастки, потому что необыкновенное удальство нашихъ казаковъ всегда пугало нашихъ противниковъ. Зачастую стоитъ имъ услышать о приближеніи казаковъ, и они немедленно же, сломя голову, на утекъ. Имъ есть, впрочемъ, чего бояться при появленіи лихихъ казаковъ. Казаки и храбры, и ловки, и хитры. Одинъ, напримѣръ, не только сумѣлъ убѣжать изъ нѣмецкаго плѣна, но и привезъ на нѣмецкой же лошади нѣмецкаго же офицера.

— Да, ваше благородіе,—разсказываетъ онъ нашему офицеру,—чуть было живьемъ они меня не захватили!

И интересную исторію онъ при этомъ передаетъ:

— Вотъ какъ было дѣло. Сильнымъ ударомъ я былъ оглушенъ. Не успѣлъ опомниться, какъ десятокъ нѣмецкихъ рожъ окружили меня и галдятъ:

— Козакенъ, козакенъ!..

Смотрю—и лошадку мою держатъ подъ уздцы. Подходитъ бравый съ рыжими усами нѣмецъ.

— Ага, попался!—чисто говоритъ по-русски.— Куда тебѣ было тащиться на этой маленькой лошаденкѣ? Подъ такимъ, какъ ты, она околѣла бы!..—сказалъ это мнѣ нѣмецъ и что-то началъ говорить отряду. Нѣмцы хохочутъ въ покатушку. Залѣзъ нѣмецъ на мою лошаденку. Дергаетъ ее, а она ни взадъ, ни впередъ. Пуще прежняго хохочутъ нѣмцы.

— Дозвольте сѣсть со мною на лошадь, — съ сердцемъ сказалъ я нѣмецкому офицеру,—увидите, выдержитъ ли она насъ!

— Пожалуй,—отвѣтилъ онъ, смѣясь.

Сѣли мы. Я какъ гикну! Моя лошадь тутъ показала такую рысь, что нѣмецъ мой схватился за гриву. По правдѣ сказать, когда мы отъѣхали, у меня и въ мысляхъ не было бѣжать изъ плѣна. Говорило только ретивое. Нѣмецъ самъ надоумилъ меня. Нѣмецкій отрядъ виденъ былъ вдалекѣ, какъ вдругъ офицеру пришло въ голову спросить меня:

— А не изъ плѣна ли хочешь ты удрать?

Онъ взялся за револьверъ.

— И то правда!—подумалъ я.—А отчего бъ мнѣ и не удрать? И, перекрестясь, обхватилъ я нѣмца, не давъ ему опомниться. Такъ я и доставилъ его до нашихъ передовыхъ постовъ.

Не все жъ, впрочемъ, злые люди непріятели наши. Я ужъ одинъ такой случай разсказалъ, когда австрійца Ваню полюбили наши. А вотъ и другой случай дружбы русскаго съ австрійцемъ. Объ этомъ разсказываетъ одинъ военный врачъ.

— Обходя палаты,—говоритъ онъ,—я нашелъ двухъ раненыхъ: казака и австрійскаго пѣхотинца. Оба мирно бесѣдуютъ другъ съ другомъ. У казака—глубокая рубленая рана руки, у австрійца—

рѣзаныя раны головы и руки и глубокая штыковая рана въ области живота.

Оба лежали, повернувшись другъ къ другу, и мирно бесѣдовали.

Врачъ заинтересовался ранеными, и оказалось, что они участвовали въ одномъ бою, и во время сраженія ранили другъ друга.

— Я, ваше благородіе,—разсказывалъ казакъ,— рѣзанулъ его по головѣ, а онъ бросился на меня опять и ранилъ меня въ руку. Тогда я его штыкомъ пырнулъ въ животъ, и мы вмѣстѣ упали, а послѣ боя насъ вмѣстѣ подняли и вотъ привезли сюда въ госпиталь.

Австріецъ молча слушалъ разсказъ своего бывшаго врага, а когда тотъ окончилъ, онъ, медленно растягивая слова, замѣтилъ:

— Да, вѣрно, это онъ меня ранилъ!..

Нынѣшняя война—это какъ бы сплошная цѣпь казацкихъ подвиговъ.

Тутъ—не только храбрость, которою всегда славилось наше казачество. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, сплошь и рядомъ слышишь объ ихъ ловкости и находчивости. Одинъ офицеръ разсказываетъ, какъ казаки, ухитрились, напримѣръ, взорвать мостъ на рѣкѣ Альгерадъ, что начинается у Мазурскихъ озеръ и впадаетъ въ рѣку Преченъ.

На автомобилѣ съ факелами подъѣхали наши къ непріятельскимъ позиціямъ. Остановились, потушили факелы и стали пробираться къ мосту. Мостъ охранялъ часовой. Одинъ изъ казаковъ, никѣмъ не замѣченный въ ночной темнотѣ, подкрался къ часовому, однимъ ударомъ сабли убилъ его, выхватилъ ружье и, выпрямившись, сталъ на его мѣсто. Нѣмцы не слышали крика убитаго часового. Какъ только онъ былъ убитъ, такъ сейчасъ же подкрались остальные казаки, заложили подъ мостъ

пироксилиновыя шашки и сбѣжали вмѣстѣ съ мнимымъ часовымъ.

Когда, зажегши факелы, наши стали удаляться къ своимъ позиціямъ, они услышали страшные крики. Среди нѣмцевъ поднялась послѣ этого суматоха невообразимая.

А вотъ еще любопытный случай, находчивости, неустрашимости и быстроты движенія. Везетъ казакъ донесеніе, очень важное и спѣшное, по начальству. И вдругъ нарывается на непріятельскій разъѣздъ. Подъ казакомъ убили коня. Но онъ нисколько не растерялся. Дѣлаетъ внезапный выстрѣлъ и такъ удачно, что ссаживаетъ этимъ выстрѣломъ передняго гусара—венгерца и смѣло вскакиваетъ на его же лошадь. Не успѣли австрійцы притти въ себя отъ такого ошеломляюще - неожиданнаго впечатлѣнія, какъ казакъ на глазахъ всего разъѣзда ускакалъ. И успѣлъ своевременно передать донесеніе обо всемъ случившемся командиру корпуса.

Солдатъ, конечно, награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

Чудо - богатыри кубанцы не отстаютъ отъ другихъ лихихъ казаковъ. Подъ Ченстоховымъ для охраны одного моста поставили нѣмцы передовую цѣпь, за ней заставу и, кромѣ того, усиленную охрану самого мостового укрѣпленія. Отрядъ кубанцевъ,—всего только четыре человѣка, попытался ночью взорвать мостъ.

Запасшись пироксилиновыми шашками и особымъ нужнымъ для этого дѣла шнуромъ, казаки прошли цѣпь, снявъ кинжалами безъ крика часовыхъ, и проползли къ рѣкѣ. Бросившись въ воду, казаки въ темнотѣ подплыли къ деревяннымъ устоямъ моста и, ловко взобравшись по перекла-

динамъ, сдѣлали въ мосту кинжалами отверстіе, прикрѣпили шашки и подожгли шнуръ.

Уплывъ обратно и выбравшись на берегъ, храбрецы стали ждать взрыва. Однако, никакъ не могутъ дождаться его. Это ихъ очень смутило.

— Что это значитъ? Надо провѣрить!—говорятъ они...

— Бросимте жребій! Кому выпадетъ онъ, того одного и пошлемъ осмотрѣть шнуръ!—раздался чей-то басъ.

Въ одинъ голосъ всѣ принялись возражать:

— Не надо посылать одного! Всѣ пустимся плыть! Доплыли опять до моста. Оказалось, что въ одномъ мѣстѣ шнуръ промокъ и потухъ. Кубанцы обрѣзали шнуръ и зажгли его снова.

Свѣтъ привлекъ вниманіе нѣмцевъ, которые открыли по рѣкѣ пальбу. Казаки бросились въ воду и поплыли по теченію. Не успѣли они отплыть и 20 саженей, какъ раздался взрывъ, и мостъ рухнулъ въ рѣку. Храбрецы, выйдя на берегъ, благополучно вернулись къ своимъ!..

Когда вслушиваешься въ разсказы о казацкихъ подвигахъ, думаешь:

— Нѣтъ, слава казацкая какъ была встарь, такъ и осталась, такою же и останется навѣки нерушимо.

Вотъ вамъ чудо-богатырь казакъ уральскаго полка, Дьяковъ. Онъ одинъ сумѣлъ взять въ плѣнъ трехъ офицеровъ, девятнадцать нижнихъ чиновъ, тридцать двѣ лошади и продолжаетъ еще и сейчасъ отличаться.

Три было друга, три лихихъ казака: Скворцовъ, Крикуновъ и Закуричка. Всѣ трое были герои. Всѣ трое служили въ одной сотнѣ. И всѣ трое попали вмѣстѣ въ бѣду...

Вечеръ былъ туманный. Задолго до сумерекъ стало и темно, и пасмурно. Казаки выѣхали на

развѣдку послѣ ужина. Выѣхали втроемъ вправо. А другіе трое поѣхали влѣво по расходящимся, углубляющимся въ лѣсъ дорогамъ.

Закуричка всегда лѣзъ впередъ. Такъ и теперь отдѣлился онъ отъ другихъ и, ускакавъ впередъ, быстро скрылся въ туманѣ...

— Опять же этотъ Закуричка все впередъ вылазитъ! Ахъ, не сносить ему головы когда-нибудь!—сказалъ Скворцовъ съ большимъ безпокойствомъ и тревогой за безстрашнаго друга.

И только успѣлъ старый казакъ вымолвить эти слова, какъ вдругъ что-то словно ухнуло впереди и раздался человѣческій крикъ.

— Попался, какъ есть попался!..—забормоталъ Скворцовъ.—Ну, братъ, Крикуновъ, теперь—айда на выручку!..

Оба казака подстегнули нагайками коней и помчались въ туманную мглу. Оттуда доносился тревожный крикъ.

Сперва по обѣ стороны дороги въ темнотѣ невозможно было ничего разобрать, но вскорѣ казаки замѣтили вблизи что-то въ родѣ сарая. Около него копошились, должно-быть, люди.

Съ одного быстраго взгляда казаки догадались:

— А непріятелей, братцы, побольше будетъ, чѣмъ насъ: ишь, какая куча понабралась!

Однако не устрашились они передъ этой опасностью, и бросились на выручку Закурички.

— Гляди, нѣмцы ужъ стащили его съ сѣдла!—съ грустью говоритъ одинъ.

— А вѣдь онъ, должно-быть, раненый, — замѣчаетъ другой.

— Вали, Крикуновъ, за сарай, запаливай его, а я отсюда вдарю!..

Нѣмцевъ было человѣкъ восемь, но когда на нихъ налетѣлъ грозой всадникъ съ пикой, они

въ первую минуту растерялись и начали безпорядочно палить въ воздухъ. Вскорѣ они, впрочемъ, опомнились, смотрятъ: казакъ одинъ. Хотя онъ и уложилъ уже троихъ, но все же ихъ остается еще пятеро... Нѣмцы готовы были уже со всѣхъ сторонъ наброситься на Скворцова, какъ вдругъ съ соломенной крыши сарая взметнулся столбъ пламени чернаго дыма и откуда-то изъ-за угла вылетѣлъ на конѣ Крикуновъ, крича во все горло:

— Сюда, ребята, сюда!..

Казалось, за нимъ, дѣйствительно, мчалась сотня казаковъ, сарай весь былъ охваченъ огнемъ, казаки рубили лихо,—все это было такъ неожиданно, что нѣмцы совсѣмъ растерялись и бросились въ разсыпную...

Казаки выручили Закуричку, но и сами отдѣлались нелегко. Всѣ трое ранены, всѣ три друга—Скворцовъ, Крикуновъ и Закуричка. И всѣ вмѣстѣ, доброй, неразлучной компаніей, попали въ одинъ и тотъ же лазаретъ...

А вотъ вамъ подвигъ казака Гумилева. Онъ принималъ участіе въ сраженіи подъ Львовомъ. Беретъ онъ съ собой трехъ товарищей, въѣзжаетъ въ лѣсокъ и съ гикомъ выгоняетъ оттуда и закалываетъ насмерть семерыхъ засѣвшихъ австрійскихъ кавалеристовъ. Разгорячился онъ, забылъ всякую осторожность и выѣзжаетъ на опушку лѣса. Передъ нимъ открывается полянка. И что жъ онъ видитъ тамъ? Передъ нимъ четыре австрійца. Они спѣшились съ лошадей и возятся около юноши лежащаго, повидимому, безъ сознанія. Двое приподняли его и начали обыскивать.

Лихо гикнулъ казакъ и съ пикой на перевѣсъ полетѣлъ на австріаковъ. Двое изъ нихъ успѣли дать залпъ изъ револьверовъ, а онъ какъ накинется на нихъ! Тѣ совсѣмъ опѣшили. Не ожидали,

не воображали, что одинъ человѣкъ такъ легко отважится броситься на четверыхъ! Мигомъ закололъ онъ троихъ, а четвертый тѣмъ временемъ скорѣе бѣжать.

Тогда Гумиловъ слѣзаетъ съ коня и первымъ дѣломъ, что дѣлаетъ, это спѣшитъ на помощь къ лежащему. Оказывается, лежитъ юноша—офицеръ. Безъ сознанія. Раненъ въ голову. Кровь у него идетъ изъ груди. Какъ малаго ребенка, нѣжно и осторожно, кладетъ казакъ раненаго на свое сѣдло и вмѣстѣ съ нимъ мчится обратно къ своимъ.

Замѣчательно, что русскій солдатъ о себѣ никогда не помнитъ, вѣчно себя забываетъ. Къ начальнику разъѣзда является конный солдатъ и докладываетъ, что наши вступили въ бой съ непріятелемъ.

— Мы ихъ здорово бьемъ, но и у насъ есть раненые.

— Кто же именно?

Солдатъ начинаетъ перечислять фамиліи.

— А потомъ, дозвольте доложить,—добавляетъ онъ и самъ скромненько такъ ухмыляется,—я также раненъ.

Оказалось,—о, ужасъ!—у него пуля пробила животъ въ боковой части. Но солдатъ, когда почувствовалъ эту рану, то скрылъ отъ своихъ ближайшихъ про нее. И объясняетъ это такъ:

— Я долженъ былъ забыть, что я раненъ, потому что я обязанъ былъ спервоначалу исполнить приказаніе передать, чѣмъ окончилось нападеніе, а ужъ потомъ тамъ въ докладѣ упомянуть послѣ всего и о себѣ.

Какова стойкость: ради доклада жизнью своей жертвовать!..

Когда онъ слѣзъ съ коня, то сейчасъ же упалъ отъ потери крови и отъ тяжкихъ страданій. Ко-

нечно, его немедленно же отправили въ лазаретъ...

Сколько найдется на полѣ нашихъ битвъ такихъ героевъ, которые чудеса тамъ творятъ, а между тѣмъ никто этого и не знаетъ? Не станутъ они сами о себѣ расказывать. Дѣлаютъ свое великое, Божье дѣло въ тишинѣ. Никто и не узнаетъ никогда о нихъ. А многіе ужъ и умерли. Дай же имъ Богъ покоя и награды тамъ, въ свѣтломъ царствѣ!..

Кто-то напечаталъ въ газетѣ про одного такого безвѣстнаго героя.

— Я не знаю,—говоритъ онъ,—какъ его зовутъ и какая у него фамилія. Не помню и того, какого онъ полка. Но одно хорошо я знаю, что онъ настоящій герой, но только что по скромности своей онъ объ этомъ и не догадывается, лихихъ дѣлъ онъ свершилъ не мало и свершилъ ихъ какъ-то такъ, походя, и если и разскажетъ когда вамъ о нихъ, такъ не потому, что хочетъ о себѣ говорить, а только потому, что хочется ему разсказать про забавныя приключенія.

Про приключенія, а не про себя!.. Такова скромность. То же героическая...

Маленькій онъ, худенькій. Смѣющіеся глазки. Минутами-задумчивый, точно внутрь обращенный взглядъ. Говоритъ, изрѣдка улыбаясь:

— Пули—ерунда... Да и стрѣляетъ нѣмецъ не важно... Сначала немножко, этакъ, жмешься отъ нихъ: засвиститъ справа,—нагнешься влѣво; а тутъ слѣва-з-з-з-... ты опять вправо... Потомъ на самого себя смѣшно дѣлается: просвистала, такъ ужъ не укуситъ... Перестаешь бояться. А вотъ какъ щелкнула первая въ руку, такъ я и догадался-то не сразу, ей Богу!.. Такъ, словно обожгло что-то тебя на минутку,—и прошло... А потомъ, чую,—рукавъ

мокрый. Что это за притча, молъ, такая?.. Глядь, онъ весь въ крови... И какъ увидалъ я это, такъ сразу и ослабѣлъ. Вѣдь, скажи жъ ты на милость, все ничего, стрѣлялъ, бѣжалъ, опускался на землю, опять бѣжалъ. А тутъ, какъ увидалъ у себя кровь, такъ сразу и ноги подкосились, и винтовку удержать не могу. Ну, присѣлъ и давай перевязку дѣлать... Бинты, тамъ, и все, что нужно, теперь у каждаго солдата при себѣ есть...

А въ это время наши пошли назадъ. Посидѣлъ я немного,—отдохнулъ и айда за своими... Хотѣлъ винтовку взять—да вижу, нѣтъ, не подъ силу. Вынулъ затворъ и закопалъ въ землю: намъ изъ нея не стрѣлять, такъ пусть и нѣмцамъ безъ пользы будетъ.

Иду и все вижу по дорогѣ: то раненый лежитъ, а то и совсѣмъ безъ дыханія... И винтовки тутъ же валяются... И такая жадность на меня напала... Хорошо, какъ наши вернутся. А какъ нѣмцы придутъ да и подберутъ ихъ?.. Пули все з-з-зыкаютъ да з-з-ыкаютъ... Да что жъ, молъ, а тамъ-то ихъ развѣ не будетъ?.. Авось, Богъ милостивъ!.. И давай вынимать затворы. Подвернется подъ ноги—присяду... И отдохну немножко... И затворъ выну. Да такъ это дѣло мнѣ понравилось, что я и забылъ о томъ, что иду, вѣдь, на перевязочный. Штукъ тридцать я ихъ обработалъ... Ну,—и заработалъ подъ конецъ: въ ту же самую руку другая пуля ткнула!.. Этакая досадища, право слово!..

Что тамъ двѣ пули, двѣ раны... Больше десятка иной молодецъ получитъ ихъ, а все не боится снова итти на сраженія, все рвется туда. Въ Кіевъ доставленъ съ партіей раненыхъ доброволецъ Волковъ. Онъ уже давно прославился,—въ двухъ компаніяхъ: и въ китайской, и въ японской. За не-

обычайно смѣлыя развѣдки онъ заслужилъ награжденія тремя Георгіевскими крестами.

Въ китайской кампаніи онъ участвовалъ семнадцатилѣтнимъ юношей и получилъ ни много, ни мало, цѣлыхъ двѣнадцать ранъ. Теперь въ районѣ Львова онъ получилъ тринадцатую рану, въ ногу.

Одинъ подпоручикъ, находящійся на излѣченіи въ московскомъ военномъ госпиталѣ, участникъ боевъ подъ Сталупененомъ, съ восторгомъ разсказываетъ, о геройскомъ подвигѣ нижняго чина пулеметной роты, Максима Кошеварова.

Среди чиновъ пулеметной команды разорвалась нѣмецкая граната. Кошеварову оторвало ногу.

— Надо его скорѣй отправить на перевязочный пунктъ,—говорятъ окружающіе.

А онъ:

— Нѣтъ, ни за что! Что вы, помилуйте! Вѣдь я же тутъ страшно нуженъ. Вѣдь я же наводчикъ стрѣлъ. Какъ же вы здѣсь обойдетесь безъ меня? Трудно вамъ будетъ. Не могу я васъ такъ оставить.

Такъ и не согласился онъ, чтобъ его тащили въ лазаретъ или на перевязочный пунктъ.

— Перевязку можно и тутъ мнѣ сдѣлать, на позиціи!..

И вотъ онъ безъ ноги, истекая кровью, остался на своемъ посту до конца боя и все время своей мѣткой стрѣльбой изъ пулемета вносилъ опустошеніе въ нѣмецкіе ряды.

— Я былъ очевидцемъ,—говоритъ поручикъ,— какъ вихремъ пуль, сыпавшихся изъ пулеметовъ изувѣченнаго Кошеварова и его товарищей, былъ буквально сметенъ цѣлый нѣмецкій полкъ.

Такъ велика совѣсть солдатская. Такъ велико сердце солдатское. А пословица молвится: «сердце сердцу вѣсть подаетъ». И пословица эта права.

Сердцемъ, а не инымъ чѣмъ, побѣдилъ, напримѣръ, фельдфебель Семенъ Горбачъ цѣлый отрядъ австрійцевъ въ сто человѣкъ, взявши ихъ въ плѣнъ безъ малѣйшаго пролитія крови, однимъ убѣжденіемъ.

Это удивительная и трогательная и, если хотите, курьезная исторія въ одно и то же время.

Онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ австрійцами и обезоруженъ. Офицеромъ его отряда оказался словакъ. Горбачъ съ нимъ разговорился и разсказалъ ему объ успѣхахъ русскихъ войскъ, о томъ, что русскіе прекрасно обращаются съ плѣнными и особенно со славянами. Въ концѣ-концовъ, Горбачъ горячо принялся убѣждать австрійскаго офицера пойти въ плѣнъ и, наконецъ, уговорилъ. И каково было вскорѣ послѣ того радостное изумленіе нашихъ, когда Горбачъ привелъ съ собою отрядъ австрійцевъ около 100 человѣкъ во главѣ съ офицеромъ! Горбачъ награжденъ Георгіемъ.

А про старшаго унтеръ-офицера В. Субботина сослуживцы разсказываютъ одну за другою интереснѣйшія исторіи,—все чудеса храбрости и присутствія духа. Сейчасъ онъ, между прочимъ въ Петроградѣ, въ госпиталѣ, на излѣченіи.

Онъ сражался на австрійской границѣ. Наши залегли въ траншеяхъ, стрѣляя въ австрійцевъ изъ ружей. Въ насъ же австрійцы стрѣляли изъ пулеметовъ. Огонь былъ убійственный. Нѣкоторые наши смѣльчаки—солдаты выскакивали изъ окопъ, намѣреваясь подойти къ австрійцамъ поближе. За свою храбрость они недешево поплатились, получая раны,—немало ранъ...

Старшій унтеръ-офицеръ В. Субботинъ, находившійся въ траншеяхъ, вынесъ изъ огня на своихъ плечахъ до тридцати раненыхъ солдатъ. Онъ всѣхъ ихъ перенесъ въ безопасное мѣсто. Кромѣ того,

В. Суботинъ перекололь штыкомъ двадцать австрійцевъ.

Въ это время къ австрійцамъ подошло подкрѣпленіе. Они вернулись и стали снова стрѣлять въ нашихъ. Почти всѣ, находившіеся въ траншеѣ, солдаты, были ранены или убиты. Остался одинъ Субботинъ. Онъ выпустилъ въ непріятеля 242 пули, перемѣнивъ пять ружей. Больше патроновъ у него не оказалось.

Кончу свою лѣтопись о великихъ подвигахъ доблестныхъ русскихъ воиновъ описаніемъ молодецкаго поведенія рядового Θедора Скрыпки, который зналъ, что идетъ на вѣрную смерть, и все-таки ни на минуту не поколебался. Напротивъ: самъ добровольно принялъ на себя мученическую смерть— смерть за честь, за славу родины.

Офицерскій разъѣздъ подошелъ къ деревнѣ и остановился. Начальникъ разъѣзда, имѣя въ головномъ дозорѣ рядового Скрыпку, вошелъ въ деревню, чтобы осмотрѣть ее. Шелъ онъ самъ-пятъ. Первый попавшійся навстрѣчу разъѣзду мѣстный житель сообщилъ, что непріятеля въ деревнѣ нѣтъ. И вдругъ, какъ снѣгъ на голову, шагахъ въ 90—100, изъ-за угла появились нѣмцы въ количествѣ около эскадрона и кинулись на драгунъ. Силы противниковъ были несравненно больше нашихъ, и потому офицеръ приказалъ людямъ своимъ, разсыпавшись, уходить. Въ густой пыли Скрыпка сбился съ шоссе. Попалъ въ болото: лошадь, освободившись отъ сѣдока, ушла. А нѣмцы не замѣтили Скрыпку и пронеслись за разъѣздомъ. Видѣвшіе все это жители — поляки подбѣжали къ Скрыпкѣ, предлагая ему:

— Спрячьтесь у насъ!

Но Скрыпка рѣшительно отвѣтилъ:

— Не уйду, пока не убью нѣмца!

Онъ вышелъ на лужайку, сталъ на колѣни и, подпустивъ къ себѣ группу возвращавшихся нѣмцевъ, убилъ офицера и одного солдата и, кромѣ того, успѣлъ ранить еще другого. Однако, нѣмцы окружили его, убили выстрѣломъ въ спину и мертваго искололи пиками и саблями.

Поляки съ почетомъ похоронили Скрыпку и разсказали все случившееся офицерамъ полка, занявшаго черезъ день эту деревню.

Вспоминается мнѣ по этому поводу такой еще случай.

Когда хоронили солдаты-товарищи одного такого же героя, какъ этотъ Скрыпка, то командиръ полка обратился къ солдатамъ съ такой краткой, но внушительной рѣчью:

— Помните, что вашъ долгъ—отомстить за убитаго товарища. Поняли?

— Поняли, ваше высокоблагородіе!—отвѣтили въ одинъ голосъ солдаты.

Думается, что и мы,—всѣ тѣ, кто не попалъ на войну, кому не выпало счастья сражаться за отчизну,—должны съ особенной, глубокой благодарностью вспоминать о славныхъ подвигахъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые не пожалѣли жизни своей ради спасенія и нашей жизни, и нашей чести.

Не забудемъ же, когда они вернутся съ поля брани, озаботиться о томъ, чтобы упокоить остальные дни ихъ жизни, постараемся насколько это будетъ въ нашихъ силахъ, не допустить, чтобъ они терпѣли горе и страданія, лишенія и нужду!..

В. Ермиловъ.

